

Тот кегельбан над Тибром

Век. — 1993. — 29 сент. — 4 с. (14). — С. 13

Микеланджело Антониони

Несколько лет тому назад я случайно оказался в Риме и не знал, чем себя занять. Когда я не знаю, чем заняться, то обычно начинаю смотреть.

Итак, оказавшись в Риме, я сидел в машине на набережной Тибра в том месте, где она граничит с Олимпийской деревней. Искал там что-то утраченное (вообще я довольно много времени провожу в поисках). Подняв глаза, я увидел человека, выходившего из здания кегельбана. В том, как он подошел к своей машине, как помедлил, прежде чем открыть дверцу, как затем сел, было для меня что-то необычное. И я решил понаблюдать за ним. Дальше я расскажу, что я нафантазировал себе об этом человеке.

Из кегельбана на набережной выходит мужчина. Он уже немолод. Прямые волосы спадают ему на лоб, и время от времени он откидывает их назад. Мужчина здоров, это видно по цвету его лица: такой цвет бывает не от загара, а от нормальной работы внутренних органов, как бы омытых свежим, чистым воздухом. Внешний вид этого человека имеет очень большое значение. То, что должно вскоре случиться, случится исключительно благодаря... нет, не благодаря, а из-за доверия и симпатии, которые он внушает.

Мужчина садится в машину, включает зажигание, но уезжать не спешит. Его солидный дорогой автомобиль покрыт грязью и пылью.

Какое-то время он едет по набережной, затем притормаживает у поворота в аллею, пропускает машину, идущую сзади, а сам сворачивает и, нырнув в темно-зеленую аллею, поджидает Олимпийской деревни.

Стоит один из тех удивительных последних дней зимы, не солнечных, но ясных, когда все вокруг просматривается до мелочей. Мужчина останавливает машину у пустыря, где виднеется длинное приземистое здание, по обе стороны которого растут каштаны и кривые стволы. Он выходит из машины. В воздухе пахнет чистотой, и он вдыхает его, смакуя. Его поражает мысль, что место это могло бы показаться таким мирным, если

бы не разлитое во всем ощущение давящей инертности, мертвенности. Фасад низкого строения весь облупился, трубы почернели, трава, деревья и те как бы смирились со своей неухоженностью.

На пустыре играют двое ребятишек. Мальчик и девочка. Незнакомец смотрит на них рассеянным взглядом. Вернее, смотрит, когда они, играя, попадают в его поле зрения. И в эти моменты взгляд его становится очень напряженным. Дети носятся взад-вперед, падают, поднимаются, смеются, кричат. Од-

не видел даже в глазах собственных родителей. Поэтому дети и не решаются сделать несколько последних шагов, отделяющих их от незнакомца. Постояв немного и подождя, они возвращаются к прерванной игре. Девочка уже делает движение в сторону, но в этот момент незнакомец опускает руку в карман, и она из любопытства останавливается. И даже подходит ближе. А мальчик остается там, где стоял. В нем сработала какая-то пружинка, вспыхнула искра внезапного безотчетного недоверия, словно опыт всей его восьмилетней

Она смотрит на пустырь, но видит только медленно удаляющуюся дорогу, заляпанную грязью машину. Чистым, еще молодым голосом женщина зовет: — Ольга!.. Диего!.. — Детей, скрытых густой травой, из окна не видно. Мальчик еле заметно пошевелился. Женщина снова зовет: — Ольга!.. Диего!.. Да отзовитесь хотя бы!

Все, о чем я рассказал, — лишь зародыш фильма, его литературная основа. От нее с помощью техники, о которой я говорил вначале, нетрудно перейти к более основательной конструкции и таким образом ответить на все интересующие читателя вопросы: почему этот человек совершил убийство, какое у него прошлое, что будет дальше и так далее.

Но поскольку моему наброску суждено остаться лишь на этих страницах, я могу попытаться дать приблизительное и краткое объяснение этических мотивов происшедшего. Человек убивает, ибо не хочет допустить, чтобы эти два невинных существа жили жизнью, которую он считает ничтожной, жалкой, не достойной человека. Таким образом, его действия — своего рода акт любви, а также веры во что-то иное. Эта сколь угодно парадоксальная идея тогда показалась мне не лишенной своего таинственного смысла, своей внутренней силы. И, глядя на свою историю сегодняшними глазами, я вижу, что если таинственности в ней поубавилось, то силы этой стало, пожалуй, больше.

И еще один ориентир. Человек этот возвращается к своей повседневной жизни, словно ничего не произошло и, я бы сказал, с чистой совестью. Расследование по этому делу так или иначе постоянно затрагивает его, он же и пальцем не собирается пошевелинуть, чтобы уйти от правосудия. Следователи доходят до самого порога его дома, открывают его дверь, смотрят ему в лицо, но не узнают его. Они не могут его узнать. Ведь его преступление так хорошо вписывается в окружающий его социальный контекст, иными словами, оно выглядит таким нормальным среди множества самых жестоких преступлений, что путем исследования его аномальной побудительной причины до истины докопаться практически невозможно.

Микеланджело Антониони с Моникой Витти

но из таких неуклюжих падений вызывает у него улыбку. Возможно, это даже и не улыбка, но детям кажется, что он улыбается — столько симпатии во всем его облике. Они, очевидно, думают, что этот человек тоже хочет поиграть, со взрослыми такое часто бывает, и подходят поближе, чтобы вовлечь его в свою игру. Но что-то их останавливает: возможно, его взгляд.

Если бы кто-нибудь спросил, предположим, у мальчика (как и сделают позднее), что именно смутило его в этом взгляде, ребенок вряд ли смог бы подобрать нужные слова. Взгляд незнакомца не был двусмысленным. Отнюдь. Он был мягким, полным любви, но любви такой горячей, какой мальчик никогда

жизни подсказал ему, что сейчас произойдет. Мужчина вынимает из кармана револьвер. Девочка, улыбаясь, протягивает руку к оружию, но прикоснуться к нему не успевает: пуля попадает ей в голову. Тельце девочки опускается на землю как-то необыкновенно замедленно и пластично. Мальчик продолжает стоять, словно загипнотизированный. Это длится всего лишь мгновение. Мужчина выпускает вторую пулю, и мальчик падает в густую траву рядом с девочкой.

Мужчина кладет револьвер в карман и, печально поглядев на два тельца, направляется к своей машине. Садится, включает мотор, уезжает. Не спеша.

В одном из окон низкого строения показывается женщина.